

ТРОН В РУКАХ ФАВОРИТОВ:

Кто и как правил Россией
в эпоху дворцовых
переворотов

и
Антон Дудин

Антон Дудин

**Трон в руках фаворитов.
Кто и как правил Россией в
эпоху дворцовых переворотов**

«Автор»

2026

Дудин А.

Трон в руках фаворитов. Кто и как правил Россией в эпоху дворцовых переворотов / А. Дудин — «Автор», 2026

Почему в России XVIII века законный титул не гарантировал трон, а могущественный фаворит мог потерять власть за одну ночь? Дворцовый переворот — не просто захват дворца, а борьба за престолонаследие, поддержку гвардии, признание элит и способность государства исполнять решения. Книга ведёт от кризиса после смерти Петра I к перевороту 1762 года: от Меншикова и «кондиций» до Бирона, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Вы узнаете, как действовали регентства, Сенат и Кабинет, почему близость к монарху не означала полного контроля над страной и как войны, финансы и придворные коалиции влияли на судьбу правителей. За чередой интриг открывается система: кто держал власть, на что опирался и почему терял её. Книга адресована читателям, интересующимся историей России и устройством власти. Она поможет увидеть за переворотами не случайные заговоры, а взаимодействие права, личного влияния, войск и институтов — и понять, на чём держалась устойчивость власти.

© Дудин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Что такое дворцовый переворот: самодержавие, двор и правила борьбы за власть	6
Петр I не оставил наследника: указ о престолонаследии и кризис 1725 года	11
Екатерина I и Меншиков: как фаворит стал правителем империи (1725–1727)	15
Петр II: борьба придворных кланов и падение Меншикова (1727–1730)	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Антон Дудин

**Трон в руках фаворитов. Кто и как правил
Россией в эпоху дворцовых переворотов**

**Трон в руках фаворитов: Кто и как правил Россией в эпоху дворцовых перево-
ротов**

Антон Дудин

Что такое дворцовый переворот: самодержавие, двор и правила борьбы за власть

Представим последние часы Петра I. Петербург еще не знает, кто будет править страной утром. За дверями дворцовых покоев ждут люди, которые привыкли исполнять распоряжения государя, а теперь должны понять, чьим распоряжениям подчиняться дальше. Никто не может просто открыть нужную страницу свода законов и найти там имя наследника.

Это не точная реконструкция расстановки людей у дворцовых дверей: мы не знаем, кто именно стоял у каждой из них и что говорил. Но сама тревожная неопределенность исторична. Петр умер 28 января 1725 года по тогдашнему календарю, оставив после себя огромную империю и порядок престолонаследия, который не давал всем участникам однозначного ответа. Решение рождалось не в пустоте: его должны были принять, поддержать и затем провести в жизнь.

Так начинается эпоха, которую принято называть эпохой дворцовых переворотов. Но уже первое слово требует осторожности. Переворот — это не просто тайный заговор и не только захват дворцовых комнат. Это борьба за то, чтобы один человек стал верховным правителем, а остальные — от гвардейского офицера до сибирского воеводы — признали его власть.

Самодержавие — не волшебная кнопка

Самодержавие означало сосредоточение верховной власти в руках монарха. Но это не значило, что монарх мог отменить все ограничения одним желанием или что после его смерти государство автоматически получало нового хозяина. Власть могла быть почти неограниченной, пока государь жил и отдавал распоряжения. После его смерти возникал другой вопрос: кто именно вправе отдавать их отныне?

В XVIII веке не существовало единого, бесспорного для всех алгоритма передачи престола. Имели значение родство и династический обычай, распоряжения умершего монарха, политическая воля придворных групп, поддержка вооруженных сил и признание со стороны государственных учреждений. Эти основания могли усиливать друг друга, а могли вступать в конфликт.

Петр I попытался распорядиться вопросом законом. Указ о престолонаследии 1722 года предоставил государю право самому назначить наследника. Однако право назначить преемника еще не гарантировало, что имя будет названо заранее и принято всеми. Когда Петр умер, ясного публичного решения, которое сняло бы спор, не оказалось. Закон открыл монарху возможность выбора, но не превратился в автомат, который продолжал работать после его смерти.

Нельзя переносить в эту эпоху и порядок, введенный Павлом I в 1797 году. Тогда была установлена более определенная система наследования по старшинству в династии. В событиях 1725–1762 годов такой поздней схемы еще не было: правила приходилось толковать и применять в политической борьбе.

Что делает переворот переворотом

Дворцовый переворот — это смена верховной власти при решающем участии придворных сил и вооруженной поддержки, чаще всего гвардии. Он может произойти без крупного сражения и даже без гибели свергнутого государя. Но почти всегда за быстрым действием — арестом, провозглашением, присягой — следует более длинная работа: убедить страну, что новый правитель не просто занял трон, а вправе им владеть.

Это различие помогает не спутать переворот с любым заговором. Несколько вельмож могут тайно договориться, но пока у них нет силы, способной защитить решение, их план остается опасным замыслом. Гвардейцы могут занять дворец, но если высшая знать, церковь и государственные учреждения не признают нового государя, одного контроля над столицей

недостаточно. Нужна не только победа в ночь переворота, но и способность превратить ее в порядок.

Для такого разбора полезна схема из четырех опор:

Опора

Главный вопрос

Что она дает претенденту

Право и родство

Кто может обосновать притязание на престол?

Династическую и правовую убедительность

Вооруженная сила

Кто способен защитить решение и контролировать столицу?

Практическую возможность действовать

Признание элит

Кто готов поддержать нового государя — и по каким причинам?

Союзников, влияние и согласие влиятельных групп

Работа учреждений

Кто издает распоряжения, приводит клятвы и обеспечивает исполнение?

Превращение захвата власти в управление страной

Это не четыре ступени, которые всегда проходят строго по очереди. И не четыре одинаково сильные стороны одной партии. Скорее, перед нами четыре опоры стола: если одна подламывается, остальные могут удержать конструкцию лишь ненадолго. Иногда слабое династическое право компенсировали поддержкой гвардии и двора; иногда законное родство не помогало, если претендент не мог собрать вокруг себя нужных людей.

Четыре опоры: не только право и не только оружие

Право и родство. Претенденту требовалось объяснить, почему именно он имеет основания занять престол. Имел значение круг его родственников, положение в династии, воля предшественника, иногда — прежние решения и обычаи. Но родство само по себе не всегда давало единственный ответ: близкими родственниками государя могли быть сразу несколько человек, а обычаи не складывались в непротиворечивую инструкцию для каждого возможного случая.

Положение супруги монарха, его сына или внука могло дать разные аргументы — и разные политические последствия. Спор о том, «кто ближе по крови», нельзя отделять от вопроса, кто способен сделать свое толкование влиятельным. Династическое право не исчезало в минуту переворота, но его могли использовать, оспаривать и подкреплять другими видами силы.

Вооруженная сила. В борьбе за престол особенно важна была гвардия — расположенные в столице полки, связанные с двором и постоянно вовлеченные в его жизнь. Ее поддержка могла помочь контролировать дворец, ключевые пункты Петербурга, связь и передвижение соперников. Но гвардия не была одной рукой с единой волей. У офицеров и солдат были командиры, связи, убеждения, расчеты и собственные представления о том, кому следует служить.

Важно не смешивать гвардию со всей армией. Полки, находившиеся в столице, — не вся вооруженная сила империи. Переворот мог быстро решить вопрос в Петербурге, но империя

простиралась далеко за его пределы. Поддержка столицы давала огромное преимущество; она не означала, что каждый военный на местах уже согласился с новым порядком.

Признание элит. Придворные группировки не были партиями в современном смысле с постоянным составом и утвержденной программой. Союзы менялись. Одни участники искали безопасности для себя и своих семей, другие защищали карьеру или доступ к государю, третьи надеялись влиять на направление политики. Многие могли одновременно заботиться о личном положении и считать свои действия полезными для государства — эти мотивы не исключали друг друга.

Поддержка элит не обязательно означала всеобщее восхищение претендентом. Часто участникам было достаточно решить, что именно с ним безопаснее и выгоднее иметь дело, чем с его соперником. В политике преемственности это почти практический вопрос: кто сможет сохранить должности, пожалования и влияние; кто рискует потерять всё; кто окажется виноватым, если заговор провалится?

Работа учреждений. Сенат, Синод, Кабинет, военные ведомства и придворные службы были важны, потому что империя не могла управляться одним обладанием дворцовым ключом. Нужно было огласить решение, принести присягу, передать приказы, сохранить сбор налогов, снабжение армии и работу административных органов.

При этом учреждения не были единым человеком и не обладали одинаковой властью. Сенат не был парламентом, способным окончательно разрешить спор о наследовании. Созданный в 1726 году Верховный тайный совет получил влияние при дворе, но его существование не установило универсального правила передачи престола. Кабинет министров появился при Анне Иоанновне в 1731 году; его политическая роль отличалась и от роли Сената, и от положения гвардии. Государственные органы могли поддержать принятое решение, стать ареной борьбы или продолжить работу при смене верховной власти. Их нельзя сводить к одному «государственному аппарату», будто у него всегда имелась общая воля.

Фаворит — не другое имя для монарха

Слово «фаворит» легко превращает историю в сказку о тайных кукловодах: будто государь сидит на троне, а где-то за портьерой всем управляет один ловкий придворный. В реальности фаворит — это человек, получивший особое личное доверие государя и благодаря близости к нему доступ к решениям, покровительству и распределению возможностей. У фаворита могло быть большое влияние, но не было самостоятельного, автоматически признанного права на престол.

Близость к монарху становилась политическим ресурсом, если ее удавалось соединить с должностью, сетью союзников, связями в гвардии или влиянием на назначения. Без таких опор доверие могло исчезнуть вместе с переменой государя. Меншиков, например, сыграл важную роль в событиях 1725 года, но его положение не было незыблемым: после смерти Екатерины I и воцарения Петра II его влияние не спасло его от падения. Бирон, связанный с Анной Иоанновной, оказался в центре вопроса о регентстве, но и он не мог удержать власть, когда изменилось соотношение сил.

Поэтому важный вопрос не только «кто был фаворитом?», но и «что именно он мог сделать благодаря своей близости?». Мог ли он убеждать государя? Покровительствовать союзникам? Влиять на назначения? Договариваться с гвардейскими командирами? А если государь умирал, сохранял ли он эти возможности без личного доступа к трону? Ответы позволяют увидеть не мифического всемогущего интригана, а человека с ресурсами и уязвимостями.

Карта переходов: 1725–1762 годы

За эти десятилетия престол переходил из рук в руки несколько раз. События не были одинаковыми: наряду с вооруженными переворотами происходили династические переходы и политические кризисы, в которых исход решался переговорами, давлением и перестановкой союзов.

Год

Смена власти

Что важно заметить

1725

После смерти Петра I власть перешла к Екатерине I

Спор о наследнике потребовал поддержки придворных сил и гвардии

1727

После смерти Екатерины I престол занял Петр II

Династическое решение сочеталось с борьбой влиятельных придворных групп

1730

После смерти Петра II на престол была приглашена Анна Иоанновна

Верховный тайный совет попытался связать власть условиями, но исход решался шире, чем одним решением Совета

1740

После смерти Анны Иоанновны наследником провозгласили младенца Ивана VI

Борьба за регентство привела к смещению Бирона и возвышению Анны Леопольдовны

1741

Елизавета свергла правительство Ивана VI

Гвардейская поддержка помогла изменить власть, но потребовалось и новое обоснование престола

1761–1762

После смерти Елизаветы воцарился Петр III, затем он был свергнут, а власть перешла к Екатерине II

Даже близкое династическое родство не устраняло конфликт интересов и борьбу за поддержку

Эта карта — не перечень «плохих» и «хороших» заговоров. Она показывает, что престолонаследие всякий раз требовало ответа на несколько вопросов одновременно: кому надлежит править, кто способен настоять на своем и кто затем сумеет управлять.

Как разбирать очередной кризис

Читателю, который хочет понять переворот, полезно не начинать с вопроса «кто всех перехитрил?». Такой вопрос заранее обещает одного тайного режиссера и множество марионеток. Лучше двигаться последовательно.

1. Составьте круг претендентов. На чем основаны их права: родстве, распоряжении предыдущего государя, признанном обычае, должности или ином аргументе? Не объявляйте один аргумент решающим, пока не увидите, кто его поддерживал.

2. Определите, кто контролировал силу. Какие части гвардии или армии участвовали? Кто отдавал им приказы? Что могло побудить офицеров и солдат поддержать одну сторону — привычка, присяга, покровительство, непосредственная угроза?

3. Найдите союзников претендентов. Какие придворные, военные и государственные деятели их поддерживали? Что каждый мог приобрести или потерять? Не считайте группу единой только потому, что ее участники какое-то время действовали вместе.

4. Проследите за признанием. Кто объявлял нового государя? Кто приносил присягу? Как решение распространялось за пределы дворца и столицы? Здесь видно, где закончился захват власти и началось создание нового порядка.

5. Оцените цену риска. Что могло случиться, если заговор провалится? Какими последствиями грозило несогласие после переворота? Для участников выбор часто был не между отвлеченной «верностью» и «изменой», а между конкурирующими обязанностями, страхами и политическими расчетами.

Применим этот маршрут пока лишь к развилке 1725 года. Круг возможных наследников нельзя определить одним вопросом о родстве: существовали разные основания для притязаний. Затем следует спросить, у кого были вооруженные союзники в столице, какие придворные силы могли собрать поддержку и как решение о новом государе должно было стать известным учреждениям. Ответы не заменяют подробного разбора — к нему мы еще вернемся, — но они уже не позволяют принять переворот за магический жест нескольких фаворитов.

Цена ошибки была высока. Неудачная ставка могла обернуться опалой, ссылкой или гибелью. Ошибиться могли и те, кто полагал, будто победа в столице гарантирует безопасность: новый государь нуждался в союзниках, а союзники — в доказательствах, что их не бросят после победы. Поэтому борьба продолжалась и после решающей ночи — в назначениях, присягах, официальных заявлениях и повседневной работе власти.

Эпоха дворцовых переворотов — это не период, когда государство раз за разом заменяло одного правителя другим по прихоти фаворита. Это череда кризисов легитимности: в каждом из них сталкивались династические права, вооруженная сила, придворные коалиции и учреждения, без которых огромная страна не могла действовать. Дворец был местом, где кризис становился видимым, но не единственным местом, где решалась судьба престола.

Итак, всякий раз спрашивайте: кто имел основания править, кто мог подкрепить эти основания силой, кто убедил влиятельных людей и кто обеспечил исполнение решения? Тогда переворот предстанет не загадкой о победившем интригане, а сложной борьбой за право отдавать приказы — и за признание этих приказов всей страной.

Петр I не оставил наследника: указ о престолонаследии и кризис 1725 года

В морозное утро 28 января 1725 года в Петербурге умер человек, который привык превращать личную волю в государственный закон. Но в этот раз закон не успел получить самое важное приложение: имя того, кому следовало принять власть. В столице остались армия, Сенат, Синод, чиновники и несколько возможных наследников. Не осталось лишь бесспорного ответа на вопрос, кому из них все эти учреждения должны служить.

Петр I умер в Петербурге 28 января по старому стилю — 8 февраля по новому. Ему было пятьдесят два года. Последние месяцы он тяжело болел; состояние ухудшилось осенью 1724-го. С этим часто связывают известный эпизод у Лахты: Петр, увидев людей в опасности, будто бы бросился на помощь в ледяную воду и простудился. Рассказ давно стал частью образа царя, готового собственным телом участвовать в деле, однако он не дает медицинского объяснения его смерти. Точный диагноз по современным меркам установить нельзя.

Смерть государя породила и другую историю — о последних словах, из которых якобы можно было вывести его волю. В позднейших пересказах Петр будто бы начал писать завещание или произнес: «Отдайте все...», но не сумел закончить мысль. Версии различаются, а надежного документа с назначением преемника современники не предъявили. Поэтому последние часы Петра — не разгаданная сцена из тайной хроники, а прежде всего пробел в делопроизводстве. Ни незавершенная фраза, ни позднее предание не могли заменить акт, на который можно было бы опереться присягающим.

Закон, который оставил пустое место

Проблема началась не в январе 1725 года. Ее создал закон, принятый раньше. Указ о наследии престола 1722 года давал царствующему монарху право самому назначить преемника и отменить свое решение, если назначенный казался ему недостойным. Тем самым Петр отказался от автоматического перехода трона по одному лишь заранее установленному правилу родства.

На первый взгляд это решение должно было избавить страну от споров: государь сам выбирает, кому передать власть. Но указ решал только половину задачи. Он давал монарху полномочие назначить наследника, однако не превращал его намерение в обязательный государственный акт сам по себе. Не было ни бесспорно обнародованного назначения, ни ясного ответа на следующий вопрос: что делать, если государь умер, а преемник не назван?

Это было не мелкое упущение, а уязвимость всей конструкции. Закон открыл дверь для личного выбора, но не предусмотрел надежного механизма на случай, когда выбрать не успели. Не назначив наследника, Петр не вернулся автоматически к прежнему порядку: указ 1722 года уже поставил под сомнение само представление о безусловной очереди. Но и новый порядок не мог ответить на вопрос вместо умершего монарха.

У этой неопределенности была семейная предыстория. Царевич Алексей, сын Петра от первого брака, конфликтовал с отцом и его преобразованиями. После бегства за границу его вернули в Россию, судили и лишили положения наследника. В 1718 году Алексей умер в заключении после осуждения; обстоятельства его смерти до сих пор обсуждаются историками. Его сын Петр Алексеевич, внук императора, был жив. Значит, устранение Алексея не устранило династическую линию.

Тем временем младший сын Петра, Петр Петрович, родившийся во втором браке, умер в 1719 году. К январю 1725-го у императора не было живого сына. Были дочери — Анна, Елизавета и младшая Наталья — и был внук по мужской линии, девятилетний Петр Алексеевич. А

рядом с умирающим государем находилась его жена Екатерина, коронованная императрицей в 1724 году.

Сама коронация была важным политическим жестом, но не равнялась назначению наследницы. Екатерина получила высокий статус и была не случайной фигурой при дворе: она знала ближайшее окружение Петра, участвовала в придворной жизни и имела влиятельных союзников. Однако ее происхождение не давало ей такого же прямого родственного основания, какое было у внука. А указ 1722 года позволял Петру назначить ее — но не доказывал, что он это сделал.

Кто мог говорить от имени династии

Ни одна кандидатура не соединяла в себе сразу все виды легитимности. Одно дело — быть ближайшим родственником по привычному династическому представлению. Другое — быть названным самим государем. Третье — получить поддержку тех, кто командует войсками и управляет учреждениями. В январе 1725 года эти основания разошлись.

Претендент

Родство и возможное правовое основание

Сторонники и политическая опора

Уязвимости

Екатерина

Жена Петра, коронованная императрица. Указ 1722 года позволял государю назначить ее преемницей, но подтвержденного акта назначения не было.

Александр Меншиков, Пётр Толстой и ряд ближайших к Петру сановников; важное значение имела поддержка части гвардейского командования.

Не принадлежала к династии по рождению; ее право на престол зависело от признания элит и от того, как истолкуют волю покойного.

Петр Алексеевич

Внук Петра, сын царевича Алексея, ближайший живой мужчина в прямой линии династии. Его сила — в привычном аргументе родства и наследования по мужской линии, а не в ясно установленном автоматическом праве.

Часть родовой знати и сторонники сохранения династической преемственности. В исторических свидетельствах с этой позицией связывают представителей княжеских фамилий, в том числе Долгоруковых и Голицыных; единой, заранее организованной партии, однако, не было.

Девятилетний возраст, отсутствие самостоятельной политической опоры и опала, в которой находился его отец. Указ 1722 года не гарантировал ему трон автоматически.

Анна и Елизавета Петровны

Дочери Петра по второму браку; принадлежность к императорской семье давала им родственное основание, но не делала их бесспорными наследницами.

В момент кризиса не стали центром самостоятельной политической коалиции.

Не имели ясно выраженной поддержки, достаточной для немедленного утверждения на престоле; за одну из них — Анну — еще предстояло закрепить положение через брак и династические связи.

Слова «старый порядок» в этом споре требуют осторожности. Нельзя вообразить, что существовала одна простая и неизменная формула: если нет сына, трон непременно получает такой-то родственник. Прежняя практика оставляла место для борьбы интерпретаций и реше-

ний верхушки. Но родство Петра Алексеевича было сильным политическим аргументом: его можно было представить как естественного продолжателя мужской линии. Екатерина, напротив, могла ссылаться на статус, близость к императору и предполагаемую волю Петра — но именно предполагаемую.

Январь: от болезни к решению

Короткая хронология показывает, как юридическая неопределенность превратилась в борьбу за признание.

Этап

Событие

Значение

5 февраля 1722 года

Издан указ о наследии престола.

Монарх получает право самостоятельно назначить наследника, но порядок действий на случай его смерти без такого назначения остается неясным.

1718–1719 годы

Царевич Алексей умирает в заключении; его малолетний сын остается в живых. Петр Петрович, сын императора от Екатерины, умирает.

Семейный конфликт не закрывает вопрос о мужской линии: у Петра есть внук, но нет живого сына.

1724 год

Екатерина коронована императрицей; здоровье Петра ухудшается.

Екатерина приобретает высокий придворный статус, однако ее коронация не оформляет передачу ей престола.

Январь 1725 года

Болезнь Петра становится смертельной.

Назначения преемника, которое могло бы снять спор, государство не получает.

28 января (8 февраля) 1725 года

Петр умирает; в столице собираются представители верхушки управления и военного командования.

Вопрос о наследнике переходит от семейной воли к политическому решению. Екатерина получает признание и приносятся присяга.

Последняя строка не должна вводить в заблуждение: никто не собрался на заранее предусмотренный законом «выборный совет», которому указ поручал бы избрать монарха. Сенат не был наследственным трибуналом, а собрание сановников не имело четкого конституционного мандата назначить царя. Но именно учреждения и влиятельные люди должны были придать решению форму, без которой оно оставалось бы заявлением одной стороны.

В этой борьбе имели значение Меншиков и его союзники. Они действовали не только потому, что поддерживали лично Екатерину. За ее кандидатурой стояла группа людей, чья власть и положение были связаны с порядком, созданным Петром. При дворе они обладали связями, влиянием на государственные дела и доступом к тем, кто мог превратить решение в исполнение. У сторонников Петра Алексеевича было сильное династическое основание, но сам претендент был ребенком, а его отец до смерти находился в опале.

Особое значение имели гвардейские полки, прежде всего Преображенский и Семёновский. Это была не случайная толпа у дворцовых дверей, а часть военной опоры режима, созданного Петром. Их присутствие и лояльность влияли на то, какие решения могли быть приняты без немедленного сопротивления. Поздние рассказы иногда изображают происходившее как прямое принуждение сенаторов вооружёнными гвардейцами. Такие детали нельзя принимать без оговорок: свидетельства о конкретных угрозах и сценах у дверей расходятся. Но и представлять исход чисто юридическим рассуждением в зале Сената неверно. Военная поддержка была одним из факторов, определявших вес сторон.

Как воля превращается во власть

Кризис можно разобрать по четырем вопросам. Они помогают отличить формальное право от политической возможности — и пригодятся не только при чтении истории.

1. Кто имеет основание требовать власть? Петр Алексеевич мог говорить от имени мужской линии династии; Екатерина — ссылаться на положение супруги и коронованной императрицы. Указ 1722 года позволял Петру выбрать преемника, но самого выбора никто не мог подтвердить документом.

2. Кто способен организовать сторонников? Меншиков и другие ближайшие к Екатерине сановники располагали связями при дворе и в управлении. Родственное право Петра Алексеевича само по себе не создавало вокруг ребенка готового политического штаба.

3. Кто обеспечивает исполнение решения? Для этого требовалась поддержка войск, прежде всего гвардии. Объявление, которому не подчиняются вооружённые части, могло остаться только объявлением.

4. Кто придает решению государственную форму? Признание верхушки управления, официальное провозглашение и присяга превращали победу одной коалиции в действующий порядок. Сенат не устранил пробел в законе, но его участие помогало закрепить принятое решение.

Если применить эти вопросы к январю 1725-го, становится ясно: споры шли не между «законным наследником» и людьми, просто нарушившими закон. Закон не указывал победителя. Он оставил пространство, в котором родственные права, толкование воли Петра, расположение сановников и вооружённая поддержка могли соперничать — и должны были быть сведены в одно решение.

Попробуйте мысленно убрать знание о том, что произошло после смерти Петра. Для людей того утра исход не был заранее очевиден. Перед ними не лежал указ с именем наследника; никто не мог достоверно прочесть последнюю волю императора. Можно было предполагать, кого Петр предпочел бы, но предположение становилось политическим доводом лишь тогда, когда его признавали другие. А признание требовало не только слов: нужны были организованная поддержка, согласие влиятельных людей и действия государственных учреждений.

Указ 1722 года задумывался как средство личного контроля монарха над преемством. Но государство не получило от него ответа на самый опасный вопрос — что делать, если монарх умирает, не оставив оформленного решения. Петр перестроил армию, администрацию и двор, а порядок передачи верховной власти оставил зависимым от последнего слова одного человека. Когда это слово оказалось неясным, проверку проходила уже вся созданная им система.

Поэтому январский кризис важен не как загадка о том, кого Петр «на самом деле хотел» увидеть на троне. Он важен как расследование того, кто сумел соединить право, поддержку элиты, гвардейскую силу и государственное признание в действующее воцарение. Следующий вопрос — как Екатерина и ее главный союзник Меншиков превратили эту поддержку в управление империей.

Екатерина I и Меншиков: как фаворит стал правителем империи (1725–1727)

Когда Пётр I умер, в январе 1725 года, при дворе не осталось главного — ясного ответа на вопрос, кто должен занять престол. Указ 1722 года позволял государю назначить наследника, но не заставлял его это сделать. Теперь спор шёл не только о фамилиях и родстве. Нужно было добиться, чтобы одного претендента признали гвардейцы, другого не выдвинули вельможи, а государственные учреждения начали исполнять распоряжения новой власти.

В этой обстановке Екатерина Алексеевна получила корону, а Александр Меншиков — возможность влиять на решения имперского масштаба. Но назвать его единоличным правителем — значит принять доступ к государыне за обладание государством. Екатерина была императрицей не только по титулу: её воля придавала решениям законную силу. Меншиков же обладал тем, чего одной короны было недостаточно, — сетью связей, опытом управления и умением действовать там, где решалось, кто будет признан и услышан.

Их союз стал примером разделённой власти: формальные полномочия принадлежали одной фигуре, важнейшие рычаги влияния во многом находились у другой.

Корона и коалиция

К Екатерине вела не безупречно прямая линия наследования. Она была вдовой Петра I и матерью его дочерей Анны и Елизаветы, но претендентом оставался и внук государя Пётр Алексеевич — сын казнённого царевича Алексея. Для одних привлекательнее была взрослая правительница, способная сохранить порядок; для других — мальчик из прямой мужской линии династии. Указ Петра I не устранил спора, а оставил элите пространство для выбора.

У Екатерины, однако, были важные основания для притязаний. Она долгие годы была рядом с Петром и в 1724 году была коронована как императрица. Это не делало её назначенной наследницей, но придавало её положению особый вес. Она была не случайной придворной, внезапно оказавшейся в борьбе за престол, а супругой государя, публично возвышенной им до нового ранга.

Меншиков помог соединить этот династический вес с поддержкой двора и войск. При Петре он прошёл путь от близкого царского сподвижника до одного из влиятельнейших сановников. У него были военный авторитет, связи среди командиров и чиновников, опыт в государственных делах и прямой доступ к Екатерине. В кризисе, где за столом одновременно находились родство, право и сила, это было редкое сочетание.

Но ни одна часть этой комбинации не действовала сама собой. Гвардейцы могли поддержать претендента, но одной их поддержки было недостаточно, чтобы вести дела огромной страны. Сенат и Синод должны были признать новую государыню и оформлять распоряжения; сановники — согласиться с переменой власти; учреждения — исполнять принятые решения. Вооружённая поддержка открывала двери, а признание и работа аппарата превращали захват инициативы в правление.

Важно не сводить события к картине, где Меншиков «посадил Екатерину на трон», после чего сам стал управлять вместо неё. Он был одним из главных организаторов и выгодоприобретателей нового порядка, но действовал в коалиции. Екатерина предоставляла этой коалиции монаршую легитимность — и могла ею распоряжаться. Меншиков нуждался в государыне не меньше, чем она нуждалась в его сети.

Два разных вида власти

Чтобы понять, как работала их пара, полезно развести два понятия: **формальные полномочия** и **практическое влияние**. Формальные полномочия отвечают на вопрос: кто имеет право подписать указ, назначить чиновника, объявить наследника? Практическое влияние —

на другие вопросы: кто предлагает кандидатуры, определяет, какие дела попадут на обсуждение, собирает голоса и может добиться исполнения решения?

У Екатерины находился верховный монарший авторитет. Она могла утверждать решения, назначать и миловать, распределять пожалования и выступать окончательным арбитром придворного спора. Её подпись была не декоративной печатью: без государственной воли политический проект оставался бы лишь намерением влиятельного вельможи.

У Меншикова был иной набор ресурсов. Он мог влиять на подбор людей, связывать придворные и военные интересы, ускорять продвижение сторонников, открывать одни каналы доступа к императрице и затруднять другие. В придворной политике личная близость была не просто знакомством: она позволяла поставить вопрос до того, как тот попадёт на официальный стол, и представить решение как наиболее осуществимое из возможных.

Эти ресурсы дополняли друг друга, но не совпадали. Екатерина не могла поручить Меншикову стать государем. Меншиков не мог одним личным решением заставить Сенат, войска и вельмож считать его волю законом. Даже могущественный фаворит оставался зависим от доверия монарха и от того, поддержат ли его союзники.

При этом Екатерина не была пассивным проводником чужих замыслов. Государыня принимала людей, распоряжалась покровительством и решала, кому быть приближённым. Её влияние проявлялось и через семейную политику. В 1725 году её дочь Анна вышла замуж за Карла Фридриха, герцога Голштинского. Этот брак укреплял связь России с европейским династическим кругом и показывал, что придворная власть не исчерпывалась борьбой вокруг Меншикова: у Екатерины были собственные родственные интересы и собственная политическая перспектива.

У императрицы, разумеется, не было ни возможности, ни необходимости лично разбирать каждое ведомственное дело. Делегирование не отменяло её власти, но меняло её повседневный способ действия. На практике многое решалось через круг ближайших сановников. Именно здесь возникала опасность, характерная для придворной системы: тот, кто постоянно готовит решения для государя, способен влиять на сам выбор того, что государь увидит.

Совет как стол, за которым собиралась власть

В феврале 1726 года Екатерина учредила Верховный тайный совет. В него вошли Александр Меншиков, Фёдор Апраксин, Гавриил Головкин, Дмитрий Голицын, Пётр Толстой и Андрей Остерман. Это был узкий круг высших сановников, которому поручалось обсуждать важнейшие государственные дела и согласовывать действия правительства.

Совет нельзя называть парламентом: он не представлял население и не был органом народного законодательства. Не был он и кабинетом в современном смысле — с устойчивым разделением министерских обязанностей и отдельной от монарха исполнительной властью. Это был созданный волей императрицы центр, где сходились ключевые решения и интересы верхи.

Зачем он был нужен? После петровских реформ государственное управление состояло из множества учреждений, но само наличие коллегий и Сената не гарантировало согласия между влиятельными людьми. Совет позволял собрать главных сановников в одном месте, быстрее согласовывать политику и не превращать каждое важное дело в отдельную борьбу ведомств.

Одновременно он изменил вес Сената. Сенат продолжал действовать, занимался надзором, судом и административными вопросами, но уже не был единственным верховным центром, через который проходили важнейшие решения. Значительная часть политического обсуждения переместилась к императрице и её Совету. Это не означало исчезновения прежних учреждений: скорее, над ними возник более узкий придворный уровень, где определяли направление, а затем передавали дела дальше.

Так складывался маршрут решения:

1. Появление вопроса. Инициатива могла исходить от сановника, ведомства или самой государыни. Уже на этом этапе имело значение, кто получил доступ к Екатерине и сумел представить проблему как срочную.

2. Обсуждение в ближнем круге. Совет позволял сопоставить позиции влиятельных лиц и наметить решение. Меншиков имел в этом круге большой вес, но не был его единственным участником.

3. Монаршее утверждение. Воля Екатерины превращала согласованное предложение в распоряжение верховной власти.

4. Исполнение учреждениями. Сенат, коллегии, военные и финансовые структуры должны были придать распоряжению практическую форму.

5. Проверка на прочность. Чтобы решение действовало, его должны были принять те, от кого зависели исполнение, снабжение, командование и политическое признание.

В 1726 году Совет участвовал в рассмотрении вопросов внутренней и внешней политики, военных дел и управления. Например, при Екатерине Россия заключила союзный договор с Австрией. Сам факт такой политики напоминает: решения исходили не из личной воли одного фаворита, а проходили через круг сановников, дипломатию и монаршее утверждение. У Меншикова было преимущество в придворной борьбе, но внешняя политика требовала работы и других людей — в частности, опытных дипломатов и государственных деятелей.

Карта влияния двора

Политическую систему этого времени легче представить не как лестницу, где один человек стоит наверху, а как сеть участников, каждый из которых держит собственный ресурс.

Участник

Основной ресурс

Что ограничивало влияние

Екатерина I

Монарший титул, право утверждать решения, покровительство и династический авторитет

Зависимость от согласия элит и исполнителей; необходимость опираться на опытных сановников

Александр Меншиков

Доступ ко двору, военный и административный опыт, связи, способность продвигать людей и решения

Не имел права монарха; нуждался в доверии Екатерины, поддержке Совета и лояльности войск

Верховный тайный совет

Возможность согласовывать политику и влиять на повестку управления

Создан императрицей и действовал при монархе; зависел от согласия его членов и утверждения государыней

Гвардия

Вооружённая сила и возможность поддержать одну из сторон в кризисе

Не была единым политическим лицом; её позиция зависела от командиров, офицеров, жалованья и придворной обстановки

Сенат, коллегии и другие учреждения

Способность оформлять, исполнять и распространять распоряжения

Не определяли престолонаследие самостоятельно; зависели от верховных решений и от условий практического исполнения

Династические претенденты и их окружение

Право по рождению и возможная поддержка родственных или придворных групп

Не могли превратить родство в престол без признания, силовой опоры и работы государственных структур

У каждого участника был ресурс, которого не доставало другим. Гвардия могла обеспечить поддержку в решающий момент, но не заменить администрацию. Совет мог согласовать политику, но не стать источником законности поверх монарха. Меншиков мог влиять на доступ и назначения, но ему требовались люди, готовые выполнять распоряжения. Екатерина обладала верховным титулом, однако для управления империей ей нужен был аппарат, а для удержания трона — признание элит и вооружённая опора.

Это полезная поправка к привычному представлению, будто политическая власть — предмет, который можно целиком передать из рук в руки. В действительности она складывалась из нескольких частей: права приказывать, способности добиваться исполнения, доступа к людям и контроля над будущим наследования. У Меншикова было много первых трёх составляющих — но ни одна из них не делала его царём.

Где заканчивалось влияние фаворита

Верховный тайный совет усилил позиции Меншикова, но одновременно поместил его в круг людей, с которыми приходилось считаться. Апраксин, Головкин, Голицын, Толстой и Остерман обладали собственным опытом, связями и интересами. Их присутствие не превращало Совет в орган равных участников по современным меркам, но показывало предел личного господства: важные решения требовали согласования, а придворная коалиция не могла держаться только на одном человеке.

Особенно жёстким ограничителем была будущая судьба престола. Пока Екатерина жила, её воля соединяла придворные группы. Но в 1727 году она тяжело заболела. За политическими распоряжениями теперь стоял вопрос, который не удавалось отложить: кто унаследует власть после неё?

Императорский внук Пётр Алексеевич был ребёнком — ему не исполнилось двенадцати лет. Это делало его одновременно уязвимым и опасным для придворных соперников: его можно было окружить советниками, но его права по рождению могли привлечь к нему сторонников. Если бы престол перешёл к кому-то другому, возник бы спор о законности. Если же к Петру — начиналась бы борьба за влияние при малолетнем государе.

В последней воле Екатерины престолонаследие было решено в пользу внука. Это решение нельзя объяснять одной волей Меншикова: оно требовало признания и оформления, а затем присяги и исполнения. Но для князя перспектива правления малолетнего монарха открывала особые возможности. Вскоре после смерти Екатерины он добился помолвки своей дочери Марии с Петром II. Так придворное влияние получало династическое продолжение: Меншиков пытался связать власть не только с доступом к трону, но и с будущей роднёй государя.

Именно здесь виден предел успеха фаворита. Пока Екатерина была жива, Меншиков действовал при государыне и через созданные ею учреждения. После её смерти ему предстояло доказать, что прежняя коалиция способна удержаться без прежнего центра. Он мог приблизиться к наследнику, но не мог устранить соперников одним придворным распоряжением. Будущее престола снова ставило перед двором тот же вопрос: кто получает право говорить от имени России — и кто способен превратить это право в действующую власть?

Практикум: разберите придворное решение

Чтобы не спутать формальную власть с реальной, выберите один эпизод — например, создание Верховного тайного совета или назначение высокопоставленного сановника — и ответьте на пять вопросов:

1. Кто имел право утвердить решение? Это показывает, где находилась формальная власть.

2. Кто предложил или подготовил его? Здесь можно увидеть влияние на повестку.

3. Кто участвовал в согласовании? Этот вопрос выявляет коалицию и возможные разногласия.

4. Какие учреждения должны были исполнить решение? Без них указ мог остаться строкой на бумаге.

5. Кто мог сорвать его исполнение или оспорить результат? Это позволяет определить реальные пределы власти.

Для ответа полезно различать источники. Указ или официальное распоряжение расскажет, что было решено и от чьего имени. Переписка и записи учреждений могут показать, как решение готовили и исполняли. Поздние воспоминания иногда добавляют выразительные подробности, но их следует проверять: яркая история о том, как один человек в одиночку распорядился судьбой империи, часто упрощает сложную работу двора, армии и администрации.

История Екатерины и Меншикова учит смотреть не только на того, кто сидит на троне, и не только на того, кто стоит рядом. Нужно выяснять, кто обладал правом утверждать решения, кто направлял их подготовку, какие люди и учреждения обеспечивали исполнение и что связывало правящую группу с будущим наследником. Екатерина дала власти законный центр; Меншиков помог выстроить вокруг него коалицию и получил исключительное влияние. Но влияние не стало суверенитетом: фаворит оставался зависим от государыни, союзников и устойчивости придворного порядка.

В 1727 году этот порядок получил нового хозяина — несовершеннолетнего Петра II. Вместе с ним начался новый спор: сумеет ли Меншиков сохранить власть при наследнике или придворные соперники разорвут союз, державшийся на Екатерине.

Петр II: борьба придворных кланов и падение Меншикова (1727–1730)

В сентябре 1727 года один из самых могущественных людей России узнал, как быстро может захлопнуться дверь, за которой он привык стоять первым. Александр Меншиков, еще недавно распоряжавшийся доступом к юному императору, был отстранен от двора, лишен чинов и отправлен в ссылку. В центре этой перемены стоял мальчик одиннадцати лет — Петр II, которому надлежало царствовать над огромной империей, но который еще только учился понимать, кто и зачем говорит ему о государственных делах.

Это была не просто история о победе одного придворного над другим. Она показала, что при малолетнем монархе власть сосредоточивается не только в руках тех, кто занимает высокие должности. Ее получают и те, кто может войти к государю, повлиять на его окружение, выбрать ему наставника, спутника или будущую супругу. А значит, борьба за Россию начиналась с борьбы за мальчика.

Две линии одного кризиса

Петр II родился в 1715 году. Его отец, царевич Алексей, умер после обвинения в измене, мать скончалась, когда мальчик был совсем мал. Он был внуком Петра I и наследником по мужской линии, но его происхождение напоминало двору и о тяжелом разрыве внутри царской семьи. После смерти Екатерины I в мае 1727 года именно Петр, названный ее преемником в завещании, занял престол.

Право на корону было определено. Но не было столь же ясно, кто будет направлять юного государя и как распределится власть вокруг него. Верховный тайный совет, созданный еще при Екатерине I, занимался важнейшими государственными делами. Меншиков был одним из его сильнейших участников. Однако Совет не превращал его в правителя: влияние фаворита держалось на сочетании должности, связей и близости к монарху.

Чтобы увидеть, как менялся баланс, полезно одновременно следить за двумя линиями: перемещениями и взрослением Петра и переменами в положении Меншикова.

Период

Положение Петра II

Положение Меншикова

Май 1727 года

После смерти Екатерины I становится императором в возрасте одиннадцати лет

Сохраняет ведущую роль при дворе и в Верховном тайном совете

Лето 1727 года

Его окружение и будущий брак становятся предметом политических решений

Добивается помолвки дочери Марии с императором; его влияние достигает вершины

Август—сентябрь 1727 года

К государю получают больший доступ другие придворные

Болезнь и потеря прежнего контроля ослабляют его положение

Сентябрь 1727 года

Издает решения, после которых Меншиков оказывается отстранен и отправлен в ссылку

Теряет должности и возможность влиять на двор

1728 год

Двор переезжает в Москву; Петр коронуется в Успенском соборе
Находится в ссылке, сначала в Раненбурге, затем в Березове

1729—1730 годы

Сближается с Долгоруковыми; его женихом объявляют Екатерину Долгорукову
Умирает в ссылке в 1729 году

Январь 1730 года

Умирает от оспы, не оставив наследника

Его падение уже стало частью прошлого, но кризис престолонаследия начинается вновь

Меншиков быстро укрепил свое положение. В начале царствования Петра II он получил титул генералиссимуса, а его дочь Мария была обручена с молодым императором. Такой брак должен был соединить семью фаворита с династией Романовых и превратить личное влияние в родственное. Это был сильный ход — но еще не гарантия успеха. Помолвка не означала, что брак обязательно состоится; титул не создавал наследственного права на управление; близость к монарху могла исчезнуть вместе с его доверием.

Важная перемена произошла не только в документах, но и в доступе к государю. Меншиков заболел, и на некоторое время оказался вдали от центра придворной жизни. Болезнь сама по себе не объясняет его падения, но создала окно возможностей для тех, кто хотел изменить окружение императора. Среди них были люди, уже имевшие влияние в государственном аппарате: дипломат Андрей Остерман, назначенный наставником Петра, и представители рода Долгоруковых. Эти люди не составляли единую, безупречно слаженную партию. Их интересы могли расходиться, а временное совпадение интересов против Меншикова не означало общего согласия по всем вопросам.

Доступ к монарху как политический ресурс

При дворе важна была не только возможность убедить государя, но и возможность сделать это раньше соперников. Кто присутствовал при воспитании Петра? Кто сопровождал его в поездках? Кто разговаривал с ним без свидетелей? Кто участвовал в выборе его наставников и будущей супруги? Ответы на эти вопросы определяли, какие соображения доходили до императора и какие решения казались ему естественными.

Остерман отвечал за образование Петра и обладал большим государственным опытом. Его роль нельзя сводить к функции чьего-либо орудия: наставник мог добросовестно заботиться о подготовке государя и одновременно становиться влиятельным участником придворной борьбы. Рядом с Петром укреплялся Иван Долгоруков, его близкий товарищ, а его отец Алексей Долгоруков занимал заметное место при дворе. Это усиливало влияние семьи. Но и здесь не следует представлять юного императора пассивной фигурой, которую взрослые просто передвигали с места на место. Петр мог принимать решения, выражать предпочтения и менять отношение к людям. Вопрос был в том, насколько самостоятельно он оценивал последствия и кто формировал круг доступных ему советов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.